

Два тома замуровали в истории тоталитарную секту, созданную художником Казимиром Малевичем
Но миф живописца живет и жить будет

БЕСТСЕЛЛЕР

Юрий АРПИШКИН,
Андрей КОВАЛЕВ

Осуществился великий прорыв в искусствоведении. Вышел двухтомник «Малевич о себе. Современники о Малевиче». Авторы-составители И.А. Вакар, Т.Н. Михиенко. Издательство «РА» (Москва, 2004).

Ноздрев
как служитель
прекрасного

Фигура Казимира Малевича, вождя художественных масс и создателя всемирно-исторических теорий — один из ключевых культурных мифов XX века. На протяжении десятилетий его пытались разгадать специалисты всех мыслимых отраслей знания — от генетиков до кибернетиков. Нарастающая популярность его творчества (сегодня он едва ли не самый «дорогой» художник, цены на его работы сопоставимы с ценами на Рембрандта и Тициана) на фоне неутраченных недоумений по поводу непонятности его произведений, недоступности познания в шарлатанстве («кто не может нарисовать «Черный квадрат?» — любимая песня Ильи Глазунова) и безусловное признание лидером современного искусства как такового — бесконечно интригуют. Сама биография Малевича казалась темной, неуловимой и насквозь мифологизированной. И вот наконец, благодаря двух-

Публика не устает искать смыслы в «Черном квадрате» Казимира Малевича

Монумент

чувство юмора. Полемические приемы из богатого арсенала Малевича до сих пор производят неизгладимое впечатление: «Нужно стариков спихивать на дно морское с музами, лирами, медузами, пусть перламутровые раковины покроют их тело переливами, а постелью им будут мягкие губки (...) Сажу в Витебске, харчи дешевле» (Письмо А.Е. Крученых 18 сентября 1920 года).

Можно бесконечно долго пересказывать анекдоты из

и состоял в том, чтобы представить миру принципиально новую фигуру художника как такового. Художника, который уверен, что ему под силу, оставаясь исключительно профессионалом своего дела, руководить миром и влиять на планетарные процессы. Малевич, несомненно, был самым последовательным радикалом. По сравнению с ним Троцкий, Ленин и Нестор Махно выглядят банальными школярами-хулиганами.

очень многие люди искусства в России, не обладали политической культурой» (т.2, стр. 598). В этой гладкой формулировке, по-видимому, имеются в виду резкая антибуржуазность и, мягко говоря, антигуманистический пафос вселенских построений Малевича. Но подходить к Малевичу с понятием «политическая культура» сродни стремлению оценить его супрематические композиции, используя критерии преподавателя академического рисунка. Надо ясно по-

харчевой лавкой, жизнью и искусством», — пишет он в 1927 году немецкому художнику Курту Швитерсу.

Секта живет и иногда побеждает

Чем еще замечателен для нас Малевич — тем, что был первым в XX веке создателем тоталитарной секты.

Колоссальное количество ничем не похожих художников стремились объединить под его знаменем с туманной каббалистической символикой, чтобы изменить мир к лучшему, довести его до бесповоротного совершенства.

Завоевание мира секта начала с захолустного Витебска, первой ее жертвой стал нежный романтик Марк Шагал, поверженный и с позором бежавший под сень парижских струй. А уж Петроград пал без боя — там просто некому было сопротивляться. Мифология секты оказалась так сильна и угрожающа, что пополняется в режиме реального времени. Фигура Малевича вырастает в этих фантазиях до воландовских масштабов. Кстати, его неоднократно прочили в прототипы булгаковского героя. Пополняется, впрочем, не только мифология, но и сама секта. Мы можем постоянно наблюдать попытки что-нибудь реконструировать, возродить и усовершенствовать. То есть проект «Малевич» не закрыт, дело его живет.

Но можно ничего не опасаться, секту разбедает вирус мелкобуржуазности. На презентации двухтомника в Третьяковской галерее рядом с возвратившимся из

Нью-Йорка «Черным квадратом» гордо демонстрировали возрожденный из пепла архитектор — абстрактную скульптуру — метафору архитектуры будущего. От исторического архитектора мало что осталось, а именно кургузый абрис и невнятная фотография. В результате реконструкции, произведенной выдающимся «бумажным» архитектором Юрием Аввакумовым, Третьяковка пополнилась эксклюзивным объектом завораживающей белизны. Здесь надо напомнить кстати, что крупнейшие международные корпорации уже в начале шестидесятых годов заполнили все центральные части мегаполисов такими же архитекторами, но из стекла и бетона, высотой по тысяче этажей.

Отрадно, что гламуризация Малевича не имеет никакого отношения к работе, проделанной Ириной Вакар, Татьяной Михиенко и издательством «РА». Им удалось избавиться и от каких-либо признаков сектантства, которые неизменно сопровождают казимиризм. В двух солидных томах сведены результаты полувековой работы десятков историков и искусствоведов. Письма, дневники, воспоминания, газетные отклики, протоколы допросов в ГПУ, справки, отчеты, фотографии, материалы родословной. Издание сделано на высочайшем уровне публикаторской техники, казавшемся навсегда утраченным. Особой благодарности издатели двухтомника заслуживают за то, что стоически воздерживаются от попыток анализировать собранные материалы. Большая наука, как известно, содержится в комментариях. Читается такое монументальное академическое издание, как захватывающий триллер.

МН

К.Малевич. Автопортрет. 1916 г.

Современный художник
должен стремиться руководить
миром и влиять на планетарные
процессы

томнику миф обрел земное воплощение. Как и следовало ожидать, концептуальный поворот осуществили не дерзновенные умы, а скромные, но основательные труженики, склонные не к решительным обобщениям и интерпретациям, но к тихой архивной работе.

После выхода двух увесистых (почти тысячестраничных) томов стало очевидно, что о личности Казимира Севериновича Малевича мы знали крайне мало. А теперь знаем почти все. Как он сделал революцию в искусстве. Как до этого маялся в качестве самостоятельного художника. Каким великим и вдохновенным сутяжником был Малевич, перескандаливший всех великих скандалистов эпохи, проявля удивительное для конструктора цивилизаций

жизни Малевича. Про его властный характер и любовь торговаться. Про его резонерство и борьбу то с Татлиным, то с Шагалом. В двухтомнике этому всему посвящено множество страниц. Из них случайный читатель может вынести представление, что Малевич являл собой некий собирательный гоголевский персонаж — Ноздрев, Собакевич и Хлестаков в одном лице. Но все эти курьезные детали биографии становятся содержательными и уникальными только в контексте большого проекта, который без усталости до конца своих дней созидал Малевич. Если пристально его рассмотреть, становится понятным, что дурной характер художника направлен на мироздание в целом. Смысл проекта как раз

Долой гармонию!

Историография Малевича жестко распадается на два раздела, почти не связанных друг с другом. Его творчество, взгляды на искусство и мироустройство нередко становятся основой огульных некоторых спекулятивных гипотез. А его биография остается предметом скрупулезного источниковедения. Архивный и музейный народ обычно старается деликатно обойти некоторые специфические особенности мироустройства Малевича. В результате чего приходится к самым бесхитростным выводам, как Ирина Вакар в ее очень информативном послесловии к двухтомнику: «Он, как большинство авангардистов и как вообще

нимать, что к реальной жизни и ее печальным приметам взгляды Малевича вообще отношения не имеют. И драматизм его судьбы, и помертвевшая, и, именно в том, что иные нестойкие умы проецировали построения Малевича, относящиеся к супрематическим мирам, на обстоятельства реальной действительности. На самом деле всякий функционализм или даже слабый намек на него были Малевичу глубоко отвратительны. Даже предельно аскетическое социальное бытовое проектанство конструктивистов вызывало у него резкий протест — «отреклись от искусства, желая услужить жизни и подать ей вовремя экономическую «кухню-спальню», «кухню-автомобиль», они же лыжи...». «В искусстве нет никакой гармонии между

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

К. Малевич. Установление «А» в искусстве. 1919

— Все творчество изобретений их построения, конструкция, система должны развиваться на основании пятого измерения.
— Эстетический контроль отвергается как реакционная мера.
— Все искусство: живопись, цвет, музыка, сооружения — отнеси под один параграф «технического творчества».
— Духовную силу содержания отвергнуть как принадлежность зеленого мира мяса и кости.
— Освободить время из рук государства и обратить его в пользу изобретателей.
— Признать труд пережитком старого мира насилия, так как современность мира стоит на творчестве.
— Признать жизнь как подсобный харчевой путь главному нашему движению.
— Отвергаются все блага небесного, как и на земле, царств и все их изображения работниками искусств как ложь, закрывающая действительность.
— Передать на социальное обеспечение всех работников академических искусств как инвалидов-староуказов экономическое движение.